

Научная статья
УДК 347.122(470)(091)

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ЧАСТНЫХ ПРАВ

Владимир Григорьевич Ищук¹, Виктор Владимирович Семенов²

^{1,2} Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Рязань, Россия

¹ valdemar130@yandex.ru, ² viktor-sem@ya.ru@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления института защиты гражданских прав в российском праве. Проведен анализ начального этапа исторического развития указанного института. Показано место наиболее ранних письменных памятников древних славян в его формировании. Автор обращает внимание на то, что древнерусское законодательство не только имело довольно развитую систему гражданско-правовых норм, регулирующих вещные и обязательственные правоотношения, но и предусматривало возможность защиты их субъектов от посягательств. Вопросы гражданско-правовой защиты в древнерусском праве сливаются с ответственностью за преступления. Автор отмечает, что зарождение отдельных элементов института защиты частных прав в Древней Руси началось в X веке. В Русской Правде, а также в Судебниках Ивана III Васильевича и Ивана IV Грозного происходит их дальнейшее развитие, регулирование защиты осуществляется под влиянием правительственной политики, существенное место отводится судебным органам, возрастает роль органов государства в разрешении споров.

Ключевые слова: защита права, институт защиты гражданских прав, способы защиты гражданских прав, ответственность за нарушение прав, защита по Русской Правде, защита по договорам Руси с Византией 907, 911, 944 и 971 гг., защита частных прав по Судебнику 1497 года, защита частных прав по Судебнику 1550 года

Для цитирования: Ищук В. Г., Семенов В. В. Становление института защиты частных прав // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 72–78.

Original article

THE FORMATION OF THE INSTITUTION FOR THE PROTECTION OF PRIVATE RIGHTS

Vladimir G. Ischuk¹, Viktor V. Semenov²

^{1,2} Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya, Ryazan, Russia

¹ valdemar130@yandex.ru, ² viktor-sem@ya.ru@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the formation of the Institute of civil rights protection in Russian law. The author carries out analysis of the initial stage of the historical development of the institution. The significance of the earliest written artifacts of the ancient Slavs for its formation is shown. The author draws attention to the fact that ancient Russian legislation not only had a sufficient developed system of civil law rules concerning property and legal relations, but also provides for the possibility to protect their subjects from infringement. The issues of civil law protection in Old Russian law merge with responsibility for crimes. The author notes that the emergence of certain elements of the institution of protection of private rights in Ancient Russia began in the 10th century. In Russkaya Pravda, as well as in the Code of Laws of Ivan III Vasilyevich and Ivan IV Grozny, their further development took place, the regulation of protection is carried out under the

© Ищук В. Г., Семенов В. В., 2022

influence of government policy, an important place is given to the judiciary, the role of state bodies in resolving disputes is increasing.

Keywords: right protection, institute of civil rights protection, the institution of protection of civil rights, civil law protection methods, responsibility for violation of rights, protection according to the Russkaia Pravda (Rus' Justice), protection under the treaties between Russia and Byzantium in 907, 911, 944 and 971, protection of private rights according to the Code of Laws of 1497, protection of private rights according to the Code of Laws of 1550.

For citation: Ischuk V. G., Semenov V. V. The formation of the institution for the protection of private rights // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 72–78.

Характеристика современного состояния института защиты частных прав и определение перспектив его дальнейшего развития невозможны без изучения исторических особенностей становления, развития частного права и выявления в них элементов рассматриваемого института. Истоки института защиты частных прав в нашей стране следует искать в ранних письменных памятниках древних славян. Статус института защиты частных прав претерпевал с течением времени значительные преобразования. Наиболее отчетливо это можно увидеть в постсоветский период. Современная кодификация гражданского законодательства активизировала изучение вопросов защиты частных прав с позиции цивилистики.

Исторический анализ защиты частных прав возможен в связке гражданско-правовой ответственности и защиты. Ни один памятник Древней Руси не содержал ни понятия защиты нарушенных прав, ни способов их защиты, однако в них закреплялись нормы, предусматривающие ответственность за допущенные правонарушения. В связи с этим интерес должен представлять вопрос о соотношении защиты и ответственности. В. П. Грибанов отмечал, что право на защиту в материально-правовом значении представляет собой возможность применения в отношении правонарушителя мер принудительного воздействия [1, с. 106]. Известные цивилисты меры принуждения зачастую отождествляют с мерами ответственности, а также указывают на то, что по своему назначению они являются способами защиты. По мнению Н. С. Кузнецовой, ответственность выполняет функцию образа защиты нарушенных прав [2, с. 94]. При изучении развития института защиты частных прав мы

будем исходить из того, что само по себе закрепление мер ответственности, влекущих для нарушителей норм права неблагоприятные последствия в виде, например, убытков, штрафов и т. д. уже свидетельствует о предоставлении защиты.

Исследование особенностей становления института защиты частных прав следует начать с самых первых письменных памятников Древней Руси. К ним относят договоры, которые в разные годы были заключены с Византией. Следует обратить внимание на отсутствие единого мнения относительно договора 904 года. Не все историки уверены в его существовании. Дошедший до нашего времени текст, который относят к указанному договору, не представляет особого значения для исследования рассматриваемого института, так как не содержал положений частного права, а регулировал исключительно вопросы обеспечения русских греками. Заключенные в 907, 911, 944 и 971 годах соглашения Древней Руси с византийскими правителями более интересны с точки зрения изучения вопросов зарождения института защиты частных прав, в них можно увидеть зачатки частного права, в том числе и положения, относящиеся к защите нарушенных прав. Они отражали состояние законодательства греческого и русского государств и послужили основой для формирования современного института защиты частных прав.

Среди памятников Древней Руси существенной вклад внесла Русская Правда. С ней связан переломный момент в развитии института защиты частных прав, заключающийся в переходе от саморасправы, когда сами потерпевшие или их родственники самостоятельно защищали нарушенные права,

к легитимной защите, когда вопросы защиты стал определять и регулировать закон. В этот период можно наблюдать переход защиты в правовое поле. Изучение Русской Правды показывает, что законодательство по вопросам защиты нарушенных прав совершенствовалось и на тот период времени было достаточно развитым. Закреплялись нормы, которые позволяли защищаться от возможных посягательств не только в вещных, но и в обязательственных правоотношениях. С определенной долей уверенности можно сказать, что в ней получили отражение первые способы защиты частных прав, к которым следует отнести возврат имущества и выплату компенсации. Такой вывод основан на закреплённой в Русской Правде ответственности в виде возврата имущества и выплаты компенсации.

Значительный этап развития института защиты частных прав связан с Судебниками 1497 года и 1550 года. Отличительной особенностью, демонстрирующей нам особое внимание к частному праву, было то, что в них не только разделялись уголовно-правовая и гражданско-правовая ответственности, но и то, что последняя в ряде случаев была приоритетней, то есть предшествовала уголовному наказанию [3, с. 157]. В рассматриваемый период законодательство развивалось с учетом необходимости охраны прав господствующего класса. Развитие правового регулирования защиты напрямую было связано с необходимостью обеспечения защиты личности феодала и его собственности. Этого требовало образование централизованного феодального государства.

Судебник 1497 года являлся первым кодексом Русского централизованного государства. В нем можно встретить статьи из других правовых памятников Древней Руси, а его содержание было обусловлено социально-экономическим развитием Русского государства. Несмотря на то, что уголовная и гражданско-правовая ответственность в Судебнике по-прежнему переплетались, защите частных интересов стало уделяться значительно больше внимания. Судебник 1497 года был правовым актом своего вре-

мени и отражал особенности этого периода. Так, его текст пронизывают нормы о защите интересов феодалов, что являлось следствием усиления феодальной эксплуатации и обострения классово-вой борьбы. Закрепляя уголовную и гражданскую ответственность, он предоставлял защиту частным лицам от возможных нарушений. Отчетливо можно наблюдать проявление того, что не только наказание правонарушителя в виде неблагоприятных для него последствий стало иметь существенное значение при привлечении его к ответственности за совершенное деяние, но и компенсация потерпевшему того, чего он лишился в результате противоправных действий. Проследим это на примере преступлений, за которые Судебник 1497 года предусматривал не только уголовное наказание преступника, но и возмещение ущерба. Из содержания Судебника мы видим, что «при воровстве, разбое, убийстве или злостной клевете с целью вымогательства, или в ином каком-либо преступлении, и окажется (что тот, на кого приведены улики, действительно заведомый) преступник, то боярину велеть его казнить смертной казнью, а сумму иска велеть взыскать с его имущества, а что останется из имущества, то боярину и дьяку взять себе» [4, с. 159]. Интересно дело обстояло в том случае, когда имущества у преступника было недостаточно для покрытия иска. В таком случае, как следует из Судебника, преступник боярину не выдавался, а подлежал смертной казни тиуну великого князя московского и дворскому. Взыскание суммы иска предусматривалось также за воровство в первый раз. Причем, если взыскать сумму иска не получалось, то преступника подвергали наказанию в виде битья кнутом и продажи (штрафа). Если же не оказывалось «у того татя» имущества, которым можно было бы заплатить сумму иска, то преступника продавали в рабство. Можно предположить, что это имело двойное назначение: наказать его за совершенное деяние и покрыть ущерб истцу. При повторном задержании вора казнили, а сумму иска, равную убытку истца, истребовали из его имущества [4, с. 358]. При рассмотрении норм

о воровстве можно сделать вывод о том, что наказание для вора было нескольких видов, но в любом случае предусматривалось возмещение убытков потерпевшему от воровства. Использование термина «равный» свидетельствует о том, что основная задача такого возмещения заключалась в компенсации убытков. Из этого следует, что в Судебнике 1497 года уделялось внимание защите прав потерпевших от преступных действий, защита нарушенных частных прав носила не только штрафной, но и компенсационный характер, который предполагал восстановление того имущественного состояния, которое было до нарушения. Стоит обратить внимание на то, что отсутствие имущества у обвиняемого в татьбе, разбое, душегубстве и ином лихом деле не позволяло истцу рассчитывать на компенсацию, так как в этом случае ст. 8 Судебника 1497 года не предполагала возможность отмены смертной казни («... А не будет у которого лихого статка, чем исцево заплатити, и боярину лихого истцу вь его гибели не выдати, а велети его казнити смертною казнию тиуну великого князя московскому да дворскому»). С течением времени ответственность в форме компенсации в частно-правовых отношениях стала приобретать большее значение, а в настоящее время имеет основной характер.

Судебник 1497 года уже содержит положения, регулирующие некоторые вопросы судопроизводства. Так, в ст. ст. 4–7 «О полевых пошлинах» формально определяется при проведении судебного поединка размер судебных пошлин и порядок их взимания в казну. «Поле» являлось пережитком старых форм судопроизводства и применялось при разрешении гражданских споров (в «заемном деле» или в «бою») и при рассмотрении уголовных дел [4, с. 379]. Увеличение размера таких пошлин и расширение перечня лиц, которым они выплачивались (судебных агентов), являются наглядным примером того, как правительство оказывало влияние на сферу защиты нарушенных прав, как оно своими действиями предопределило дальнейшую ликвидацию вооруженных состязаний перед лицом суда – «поля». Стоит отме-

тить, что любые изменения в регулировании размера и порядка уплаты пошлины и в настоящее время способны повлиять на саму возможность обращения за судебной защитой. Можно говорить о том, что под влиянием правительственной политики такой вид судебного доказательства, как судебный поединок постепенно исчезает, так как его использование не позволяло суду, который в то время относился к органам государственной власти, влиять на ход судебного процесса.

Запрет на нарушение межевых знаков и покушение на чужую собственность (ст. 62) – основной принцип, действующий в то время в области поземельных отношений. Нарушение границ феодальных земельных квалифицировалось как преступление и влекло за собой для виновного телесное наказание и денежное взыскание в пользу истца, что также говорит о наличии норм защиты частных прав.

Определенным нововведением было установление Судебником 1497 года сроков давности (ст. 63): трехлетний – по спорам между отдельными лицами, шестимесячный – при спорах, возникавших из-за захвата государственных земель. Из рассматриваемой нормы прослеживается более сильная защита прав государства в области частных отношений.

При займе Судебник 1497 года исходит из необходимости защиты прав невиновного в несостоятельности заемщика и не предоставляет займодавцу возможности получения с него больше того, что он должен был вернуть изначально. Так, в ст. 55 Судебника 1497 года указано, что «Если какой-либо купец, отправляясь в торг, возьмет у кого-нибудь (для торговых оборотов) деньги или товар, а в дороге товар у него погибнет без всякого злого умысла с его стороны, – то боярин, произведя расследование, пусть велит дьяку великого князя дать тому (купцу) грамоту с печатью великого князя об уплате истцу в рассрочку основного капитала без процентов» [4, с. 370]. В несколько упрощенном и уточненном виде это положение было заимствовано из текста Русской Правды. Судьба виновного заемщика за-

ключалась в «выдати головою на продажу» [5, с. 101], то есть до окончательного погашения долга. На наш взгляд, допустимым будет указать, что Судебник 1497 года при регулировании защиты частных интересов кредитора, используя понятие «умысел», ставит ее в зависимость от вины должника. Установленный порядок был удобен и для заемщиков-должников (купцов «идуших в торговлю») и для займодавцев-кредиторов (купцов, духовных феодалов), так как создавал для них гарантии защиты. Дополнительные гарантии заключались в расследовании боярином причин возникшей несостоятельности и выдаче дьяком великого князя полетной грамоты, которая скреплялась великокняжеской печатью.

Рассмотренные положения Судебника 1497 года свидетельствуют о следующем:

- во-первых, развитие института защиты частных прав происходило под влиянием правительственной политики и отражало процесс централизации суда и управления;

- во-вторых, Судебник 1497 года сыграл существенную роль в формировании основ гарантированности реализации потерпевшими возможностей восстановления нарушенных прав.

Важный этап в развитии законодательства Русского централизованного государства, в том числе и института защиты частных прав, связан с изданием Судебника 1550 года. Развитие института защиты в рассматриваемый период сопровождалось следующим:

- во-первых, существенное место в защите нарушенных прав стало отводиться судебным органам. Ответственность судей усиливалась, она стала носить дифференцированный характер. Судьи теперь отвечали за неправильные решения, составление подложных ссудных списков (протоколов судебного разбирательства), взяточничество и др.;

- во-вторых, поддерживалась подача жалобы верховной власти;

- в-третьих, усиливался контроль со стороны центрального государственного аппарата за местными судебными органами;

- в-четвертых, при сохранении сроков давности по земельным спорам возросла роль органов государства в их разрешении. Право выбора суда не принадлежало истцу или ответчику, теперь его назначал орган власти.

Происходящие изменения правового статуса основных группировок господствующего класса феодалов сопровождались введением для них новых ограничений. Такие ограничения коснулись и частных правовых отношений, например, был закреплен запрет феодалам заставлять работать в своем хозяйстве должников, взявших в долг деньги под проценты. Хотелось бы думать, что отмеченное было обусловлено стремлением защитить более слабую сторону правоотношения, но велика вероятность того, что такие процессы имели политическую основу.

Вопросам компенсации морального вреда уделялось особое внимание. Устанавливался штраф за оскорбление (бесчестье). Его размер находился в зависимости от положения пострадавшего в обществе. За бесчестье детей боярских, находящихся на кормлении, взыскивалась сумма в зависимости от получаемого ими дохода; за бесчестье детей боярских, получающих денежное жалование, – в зависимости от нормы жалования. За бесчестье «гостя» (представителя верхов посадского населения) взыскивалось 50 рублей, а за бесчестье «средних» посадских людей – 5 рублей, за крестьян и рядовых горожан – 1 рубль [6, с. 29].

Судебник 1550 года стоял на защите прав детей. Родителям было запрещено продавать в холопство своих детей, рожденных до похолопления или до пострижения (ст. 76). В основе этого были также политические мотивы – воспрепятствование росту холопства.

Составители Судебника с особым вниманием отнеслись к вопросам защиты прав холоповладельца. С одной стороны, интересным образом выстраивались отношения между холопом и холоповладельцем в случае возникновения спора, так как закон требовал обязательной регистрации служилых

кабал, без которой холоповладелец не получал судебной защиты своих прав. С другой стороны, закон устанавливал строгие правила, запрещающие заключение служилой кабалы несвободным человеком. Нарушение указанного правила вело к появлению у старого господина права на защиту посредством предъявления иска, последствиями чего являлись потеря данной по кабале суммы и возврат холопа, а если холоп оказался беглым и обворовал при побеге своего господина, то дополнительно возмещался причиненный ущерб. Указанное говорит о том, что права холоповладельцев находились под строгой охраной, при нарушении возникало право на защиту, которая сводилась к возврату холопа и возмещению ущерба.

Все вышеприведенное дает основания сделать вывод о том, что древнерусское законодательство не только имело довольно развитую систему гражданско-правовых норм,

регулирующих вещные и обязательственные правоотношения, но и предусматривало возможность их субъектов защититься от посягательств. Особое внимание в древнерусском законодательстве уделялось ответственности за совершенные противоправные деяния, вопросы гражданско-правовой ответственности сливались с ответственностью за преступления. Учитывая системные связи мер защиты и мер ответственности, можно утверждать о первоначальном этапе зарождения отдельных элементов института защиты частных прав в начале X века. В Русской Правде, а также в Судебниках Ивана III Васильевича и Ивана IV Грозного происходит их дальнейшее развитие, регулирование защиты осуществляется под влиянием правительственной политики, существенное место отводится судебным органам, возрастает роль органов государства в разрешении споров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000.
2. Кузнецова Н. С. Защита субъективных гражданских прав и гражданско-правовая ответственность: вопросы соотношения // Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА) / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2017.
3. Попрыдухина И. В. Гражданско-правовая ответственность по Судебнику 1497 г. // Вектор науки ТГУ. № 4 (14). 2010.
4. Памятники русского права. М.: Госюриздат, 1955. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина.
5. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 2. Издание третье дополненное. Киев, 1887.
6. Памятники русского права. Вып. 4: Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1956.

REFERENCES

1. Gribanov V. P. Limits of implementation and protection of civil rights // Implementation and protection of civil rights. M.: Statut, 2000. (In Russ.)
2. Kuznetsova N. S. Protection of subjective civil rights and civil liability: issues of correlation // Protection of civil rights: selected aspects: collection of articles / Moscow State University. legal un-t im. O. E. Kutafina (MGYuA) / tutor. ed. count and resp. ed. M. A. Rozhkova. M.: Statut, 2017. (In Russ.)
3. Popryadukhina I. V. Civil liability according to the Code of Laws of 1497 // Vector of Science TSU. No. 4 (14). 2010. (In Russ.)
4. Monuments of Russian law. M.: Gosjurizdat, 1955. Issue. 3: Monuments of law of the period of formation of the Russian centralized state of the XIV–XV centuries. / ed. L. V. Tcherepnina. (In Russ.)

5. Vladimírsky-Budanov M. F. Reader on the history of Russian law. Issue. 2. Third revised edition. Kyiv, 1887. (In Russ.)

6. Monuments of Russian law. Issue. 4: Monuments of law of the period of strengthening the Russian centralized state of the XV–XVII centuries. / ed. L. V. Tcherepnina. M.: Gosyurizdat, 1956. (In Russ.)

Информация об авторах:

Ищук В. Г., без ученой степени;

Семенов В. В., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

Ischuk V. G., no academic degree;

Semenov V. V. Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 31.03.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 25.11.2022.